

УДК 808.51

«ЖД» Д.Л. БЫКОВА: ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА «ПРОТИВ» ИЛИ «ЗА» РОССИЮ?

А.А. Бернацкая

Цель статьи – ответить на вопрос о допустимости рассмотрения романа Д.Л. Быкова в аспекте информационно-психологической войны. Исследуются основные составляющие национальной идентификации личности и социума: народ, нация, государство, история, национальные ценности. Отдавая должное мастерству и гражданской позиции писателя, автор статьи делает заключение о наличии в романе признаков информационно-психологической войны. Вывод обосновывается сугубо негативным модусом представления страны в рамках исследуемых ключевых слов. На языковом материале показаны тактики и приёмы в их лексико-грамматическом и стилистическом выражении.

Ключевые слова и фразы: информационно-психологическая война; ее тактики, приёмы, средства; негативный образ страны.

"ZHD" BY D.L. BYKOV: INFO-PSYCHOLOGICAL WAR "AGAINST" OR "FOR" RUSSIA?

А.А. Bernatskaya

The aim of this article is to answer the question if D.L. Bykov's novel could be a channel for conducting the info-psychological warfare. Such basic components of the national identity as nation, officials, history, national values are analysed. Respecting the writer's skill and his civil position, the author of this article has concluded that the novel is used as a means of info-psychological war. This conclusion has been made due to negative image of Russia created in the book. On the basis of linguistic material the author shows tactics and techniques of info-psychological warfare.

Keywords and phrases: info-psychological war; its tactics, techniques, means of representation; negative image of the country.

Д.Л. Быков – известный писатель, поэт, автор ряда высоко ценимых специалистами литературоведческих монографий, публицист, автор сатирических текстов на злободневные темы в оппозиционных СМИ. Роман Быкова развивает ценностно-содержательную концепцию, изложенную в его «Философических письмах» [Быков 2005: 7–187]. Без ознакомления с ними едва ли можно понять содержание и смысл произведения. Автор: «Концепция, излагаемая тут, лежит в основе моего романа “ЖД”, но обнародовать её я считаю важным раньше книги – ибо романы пишутся долго, а неумолимая деградация России происходит на наших глазах» [Быков 2005: 27]. При написании статьи публицистический оригинал используется в качестве шифровального ключа-кода: приводятся параллельные выдержки, чтобы избежать неверного истолкования концептуальных авторских смыслов.

Быков отводит роману исключительное место в своём творчестве и в жизни: «Я родился для того, чтобы написать эту книгу, и придумывал её в последние десять лет. В ней сошлись мои главные сюжеты и главные мысли, которые всегда были об одном и том же, а именно – о бесприютности – самом страшном моём страхе. **В моей стране мне тоже бесприютно** (здесь и далее выделено мной – А.Б.), и это не только моё ощущение» (5–6). Это объясняется тем, что «чем меньше ценится человеческая жизнь, чем невыносимее условия существования в **возлюбленном Отечестве** (явная ирония – А.Б.) – тем ближе оно к идеалу. Смешно и странно, что эта **суицидальная садомазохистская** концепция всё ещё смеет претендовать на роль **государственной идеологии**. Однако она смеет. И любая **попытка ниспровергнуть** её называется **разжиганием национальной розни**» (5).

На начальной странице предисловия, с троекратным использованием анафоры, автор предупреждает читателя о возможном, неверном, с его точки зрения, восприятии идейного содержания книги: «Автор приносит свои извинения всем, чьи национальные чувства он задел. <...> Автор не хотел возбуждать национальную рознь, а также оскорблять кого-либо в грубой или извращённой форме... <...>. Автор приносит свои извинения всем, чью межнациональную рознь он разжёл» (явная ирония – А.Б.). Предисловие заканчивается признанием того, что автор предвидит негативную реакцию будущих читателей книги, её «не только идеологическое, но и эстетическое отторжение», но он сознательно мирится с этим, так как ему важно было написать то, что он хотел. В авторской аннотации (на обложке книги) автор предлагает считать её сказкой. Возразим: пусть и сказка. Общеизвестно, что сказка ложь. Но на что она намекает? И кому и какой урок сулит?

Сюжетообразующая стратегия сочинения Быкова – «альтернативная история» России. Согласно «альтернативной истории», коренное население России использует в качестве самоназвания «чужое» имя. Капитан-иерей Плоскорылов пишет лекцию к политзанятию в дивизии. *«Русские, или русы, – великий северный народ, согнанный с места похолоданием... Истинной причиной оледенения было то, что срединные народы, живущие в глубине материка, нуждались в просвещении. Это **просвещение** и **принесли им арии** – русоволосые, высокие воины, проводившие дни в овладении боевыми искусствами и магическими ритуалами. Под руководством вождя Яра, о котором сообщала Велесова книга, русы вышли из Гипербореи и устремились на плодородные земли, где жили **дикие племена**. Племена **уже умели обрабатывать эти земли, но не знали зачем, то есть для кого**» (54). Другого варианта истории России придерживаются в романе «хазары». Эту версию озвучивает в романе еврейский идеолог Эверштейн в диалогах с русским историком и журналистом*

Волоховым. Согласно этой версии, *«русские не были коренным населением России»*. *«Кто такие русы – вообще никто до сих пор не знает. Так называли штук десять племён на юге, севере и востоке»*. Никакого татаро-монгольского ига не было и в этой версии. На Куликовом поле, поучает Эверштейн, бились не ордынский богатырь Челубей и легендарный русский герой, чернец Пересвет, а *«дрались там ваш Челом-бей и наш Пэрец-вет...»* (125). И победил хазар русского богатыря... Оценка совершённой агрессивной информационной вербальной акции – *«дешёвая подтасовка»* посредством элементарной фонетической трансформации. В революции 1917 года *«речь шла о наци, возвращавшей себе своё»* (129). *«Коренным населением были хазары, они явились сюда вернуть своё, и в том, что туземцам (русским – А.Б.) было теперь плохо, виноваты были только туземцы, слишком долго губившие землю ленью и бесхозяйственностью»*. Эверштейн: *«Был, не скрою, небольшой процент идеалистов, искренне считавших, что это их земля. Любивших ёлочки, берёзочки. <...> И эта русская интеллигенция, кстати, всегда догадывалась о том, кто настоящее население России»* (133).

Итак, по одной версии русские – коренное население, порабощённое «северным народом» (ариями, гиперборейскими титанами, называемыми также варягами, норманнами, русами, руссами) и принявшие имя этноса-поработителя. По другой версии, коренными жителями России были хазары – «могучий народ в низовьях Волги, исповедовавший иудейскую веру и в 965 г. побеждённый киевским князем Святославом Игоревичем». Хазарский Каганат был могущественным соседом и соперником Древней Руси [Гумилёв 2008: 7]. Русские-«захватчики», захватили хазарский Каганат. Гипотетическую Третью мировую войну хазары начали, чтобы вернуть свою родину. Согласно третьей версии, коренное население страны перманентно завоёвывалось то одним захватчиком – варягами (руссами / русами / россами), то другим – хазарами. *«Наиболее близка к истине, – просвещал Волохова Гуров, представитель «коренного населения», – гипотеза Иловайского, впоследствии развитая Львом Гумилёвым: согласно ей, территория восточных славян делилась между двумя могучими государствами – варягами на северо-западе и хазарами на юго-востоке. <...> Славяне, в отличие от русов, знали множество ремёсел. В основе их культуры лежала идея круга: круглые жилища, “круговая керамика”, круглые головные уборы. Однако от “круговой”, циклической и концентрической культуры славян уцелело очень немного <...>. Не в силах сопротивляться, славяне стонали то под варяжским, то под хазарским игом. <...> Варяги и хазары сражались... за славянскую территорию и кроткое славянское племя, обслуживавшее их по очереди. От коренного населения*

России к началу двадцать первого века осталось очень немногое. <...> Но немногие уцелевшие славяне по-прежнему исповедовали культуру круга...» Итак, согласно Быков-романисту, в сегодняшнем государстве под названием *Россия* этноним «рус» / «русский» не является именем коренного населения. На этом настаивает и Быков-публицист: *«Хазария – результат завоевания, покорения исконных местных жителей одним из рассеянных иудейских колен, причём покорены были как тюркские, так и славянские народы, платившие хазарам дань. Этих славян (коренное население) как раз и следует раз навсегда отличать от руссов, то есть россов, то есть варягов – присвоивших себе в конце концов право называться истинно русскими»* (Хроники, 33). Имя (авто- или хотя бы аллоэтноним) этого народа остаётся и в «Хрониках», и в романе загадкой. Таинственный персонаж Гуров («свой» и у «коренных», и у варягов, и у хазар) обещает открыть тайну, но так и не делает этого: *«Самоназвание я тебе со временем скажу, а слово “славяне” забудь. Оно гнусное, клеймёное»* (204). Автор избирает из всех этимологических версий, гуляющих в Интернете, самую оскорбительную: *«Но воля волей, а... он был из тех самых, коренных, которые даже название своё утратили или утаили глубже, чем достигает человеческая память: славяне – название грубое, оскорбительное, долго бывшее синонимом рабства»* (609). Поскольку и этноним «русские», и макроэтноним «славяне» – актуальные этнографические термины, налицо явная **агрессия**, которая может рассматриваться как проявление информационно-психологической войны (далее – ИПВ). Ещё бóльшая агрессия – неназванность имени народа. Философ М.К. Мамардашвили: *«Есть закон названности собственным именем, закон именованности. Он – условие исторической силы, элемент её формы. <...> Что происходит на самом деле? Что есть? Если даже не названо... Невозможно узнать. Более того, неназванной вещи невозможно и стать. <...> Вот почему я говорю, что называние, именование вещей – один из первых актов культурного строительства и духовного здоровья нации...»* [Мамардашвили 2011: 43].

Лишённый имени народ государства *Россия* именуется в романе *населением, туземцами, аборигенами, местными, коренными, парафразами коренное население, туземное население, коренные жители*. Термин «народ» встречается редко, в специфическом, стилистически нейтральном или позитивно-оценочном контексте: *«Туземцы мыслили себя только вместе, только как единый народ...»* (244); *«порабощение коренного народа»* (246); *«порабощение народа»* (374); *«такой народ удивительный»* (521); *«русский народ не любит хазар»* (253); *«<...> он искал представителей своего народа, чистых, беспримесных, не опоганенных чуждой кровью»* (609); *«его народ бессмертен»* (616).

Лексемы «население» и «народ» нельзя считать синонимами. У них достаточно разная сочетаемость и, соответственно, разный ценностный потенциал. Корректно вести речь об истории, достижениях, ментальности, выдающихся представителях и т.д. народа, но не населения. «Население» понятийно-логически связано с пространством, численностью, акциями, деятельностью частного, конкретного характера. *Население*, в отличие от *народа* и его индивида *гражданина*, в языковом сознании современного носителя языка соотносится с оценочным, пусть и факультативным, компонентом «пассивность»: *Гражданское общество состоит... из людей, из граждан <...> Подход должен быть хозяйским. Гражданин – это хозяин, а если нет, то он население* (Михаил Федотов, глава СПЧ: АиФ. 2015. № 29).

А.П. Сковородников отмечал как одну из семантических новаций конца XX века «возникновение в общественно-речевой практике ментальной оппозиции слов (понятий) *народ* (в смысле “нация”) и *население* (в смысле “безнациональная масса”), в которой первый член (*народ*) обладает положительной коннотацией (эмоционально-оценочным значением), а второй член (*население*) – отрицательной» [Сковородников 1997: 47]. В более позднем исследовании А.Д. Васильев указал даже на уход лексемы «народ» в пассивный лексический запас. Однако его наблюдение, что применительно к русским словосочетание «коренное население» вместо «народ», не употреблялось [Васильев 2013: 154–159], роман Быкова опровергает. В «Хрониках» Быков по-своему разграничивает понятия народа и населения, лишая граждан России права называться народом: «*Отсутствие сознательной исторической воли к направленному движению – главный порок российского населения, которое именно в силу этого безволия и не является народом...*» (Хроники, 25). Разве это не беспрецедентная агрессия против своей страны, её международного имиджа?

Онтологическая и этическая неоправданность применения лексем «туземец» и «абориген» вместо «народа» выводима уже из словарных дефиниций первых. «**Туземец**: 1. Уроженец и коренной житель **отдалённой от центров цивилизации местности или страны** (в противоположность приезжему или иностранцу). 2. устар. Коренной, местный житель любой области» [Ефремова 2000: 814]. – Термин, как видим, употреблён некорректно: Если русские не коренные жители, то почему они туземцы? А если коренные, то так характеризовать страну их проживания – акт явной информационно-психологической агрессии.

«**Аборигены** – название коренных жителей страны или местности в противоположность прибывшим поселенцам (**обычно о коренном населении Австралии, Океании, Америки**); автохтоны» [Ефремова 2000: 2]. Комментарии излишни.

И как писатель, и как публицист, Быков не соотносит «коренное население» России с понятием «нация». *«И только у нас ничего, потому что мы не нация. А не нация мы, Петя, по милости таких, как ты, жрецов-охранителей, охренителей, сплотившихся в едином строю, чтобы у страны не дай Бог не завелась история»* (414); *«Впрочем, в России единой нации не могло быть по определению: у захваченных и захватчиков не бывает общих принципов. <...> Их главная цель – взаимное истребление»* (181). В «Хрониках» автор непоследователен, ср.: *«“Русский” – это и национальность, и убеждения, и модель поведения»* (22). Но: *«<...> нации же “россияне” (или “русские”) не существует вовсе»* (Хроники, 25); *«...русской нации нет до сих пор»* (Хроники, 85); *«Пока же русские – никакая не нация, ибо нация есть не этническое, а философское (на с. 12 – «но этическое» – А.Б.) понятие»* (Хроники, 123). Итак, согласно Быкову, русские, россияне и не народ, и не нация. Далее из произвольного утверждения делается «глобальное» заключение, называются «истинные творцы» российской истории: *«Двести лет – а если верить Канделю с его “Книгой времён и событий”, то и гораздо больше – евреи делают российскую историю не вместе с русскими, а вместо них»*. И несколько ранее: *«Евреям пришлось стать в России и публицистами, и мыслителями, и революционерами, и контрреволюционерами, и комиссарами, и диссидентами, и патриотами, и создателями официальной культуры, и её ниспровергателями, – потому что этого в силу каких-то причин не сделали русские. <...> И царизм погубили евреи, и революцию – евреи же, и Советский Союз – они же. <...> Ну подумайте вы сами: революция, давно назревшая, да всё не получавшаяся, – мы. Контрреволюция, то есть большой террор, – обратно мы. Атомная бомба, водородная бомба, НТР, авторская песня, кинематограф и даже патриотическая лирика – всё мы. Кто двигает вперёд русский стих и модернизирует прозу? Да обратно же мы; сколько можно? <...> Да что же это такое! Почему Ельцина и Путина поддерживал еврей Березовский, а обличал еврей Шендерович? Вам что, безразлична судьба **вашего президента...**?»* И, наконец, заключительный убийственный абсурдизм: *«...евреи сыграли такую, а не иную роль в русской истории потому, что **в силу особенностей местного коренного населения им пришлось стать русскими**»* (Хроники, 120–123).

Две ключевые координаты в представлении государства и армии: враждебность государства и «государственников» по отношению и к окружающему миру, и к своему «населению», своей земле, и отсутствие смысла в действиях правителей всех сфер жизни и всех рангов и в мирное, и в военное время. Эти смысловые координаты предопределяют доминанты в грамматике, лексике, выразительных средствах. Камертоном такого

исполнения служит утверждение в предисловии, что *«чем меньше ценится человеческая жизнь, чем невыносимее условия существования в возлюбленном Отечестве – тем ближе оно к идеалу»* (5). На первом плане алогизм, отсутствие здравого смысла, усиленные безмерным гипертрофированием и неоправданным обобщением. «Хазар»-идеолог Эверштейн: *«Главное, что у вас происходит, истребление и колонизация народа...<...> Так поступать с землёй, так истреблять народ, так выкорчёвывать любые ростки культуры, – коренное население не в силах»* (125). *«И ещё в одном был прав Эверштейн, – размышляет Волохов, – <...> почему задачей любой русской власти... было в первую голову уничтожение собственного народа»* (179). В отношении контекстуальной синонимии ставятся слова с абсолютно разными значениями: *«Способность работать в отсутствии смысла как раз и была главной особенностью русского государственника, слова “государственное” и “бессмысленное” выступали синонимами»* (247). У губернатора Бороздина *«были все основания для успешной карьеры, кроме единственно необходимого – бездарности»* (299). Противоречие здравому смыслу ярко проявляется, усиливается в предложениях **пропорционального отношения** с союзом «чем – тем»: *«Само понятие смысла ... считалось подлым хазарским порождением...»; «Истинно русскому чиновнику не полагалось задумываться о причинах и целях и чем бесцельнее, бессмысленнее было дело, тем с большим жаром чиновник отдавался ему»* (247). «Коренная» Аша: *«Вот все вы такие: сказали вам, что надо работать, – вы и работаете, как белка в колесе. Ну, бегают она, а зачем? <...> “Работать” – это вы придумали. Раб работает, он подневольный, у него палка вместо совести. Вы и сами работаете, как рабы, потому что всё тут не ваше»* (248–249); *«Ваша работа – убийство! Вы всё убиваете, что трогаете»* (246). Лишённый своего поста и гонимый губернатор доходит до самой сути российской государственной системы: *«Вот почему в России власть так редко менялась: правитель либо умирал, либо бывал убит его подданными... Кто же уйдёт по доброй воле из единственной сферы, где ничтожество было гарантией всемогущества, а неспособность к осмысленной деятельности – высшей добродетелью?»* (438).

Главный инструмент истребления населения – конечно же, армия. Её кредо: *«Цель каждого истинного воина есть смерть»* (91); *«Главная добродетель русского солдата – готовность пасть не рассуждая»* (Хроники, 23). Впечатление ужасающего цинизма создаётся имитацией научного стиля: каждая фраза оформлена как строгая дефиниция. Установка на уничтожение главной общечеловеческой ценности – жизни – подчёркивается категоричностью высказываний, имитирующих положения воинского устава: *«У армии*

нашей нет никакой иной цели, как только перевод солдата в совершенное состояние. <...>. Жизнь есть мерзостное существование, которое должно быть преодолено» (90). Принцип деятельности, противоречащий главной общечеловеческой ценности – жизни, усиливается в конструкциях изъяснительно-противительной семантики: «Высшая воинская доблесть не в том, чтобы точно рассчитать атаку и сберечь максимум людей, а в том, чтобы отважно положить всех» (248). Экспрессия создаётся алогизмом и, как следствие, эффектом неожиданности, нарушением качественной (лексико-семантической) валентности в словосочетании «отважно положить». Формируется гротескно-карикатурный образ идеального орудия истребления солдатских жизней.

Большое место занимают отрицательные частицы и приставки, отрицательные местоимения и наречия. Если принцип житейской логики и дидактики требует поощрения положительных качеств и действий, то в рисуемой автором российской действительности всё наоборот. Нарушается причинно-следственное отношение. «Евдокимов ... вообще **ничего не умел**. И он был некрасивый. <...> Блевотное он был существо, прямо говоря. Мало кто был хуже Евдокимова. **Варяги любили Евдокимова, ценили Евдокимова**» (46). «Офицер он был **никакой** – вялый, безынициативный, но именно полное равнодушие к судьбе солдат делало его **бесценным в глазах начальства**. <...> Фунтов был **никаким строевиком, ничего не смыслил в геополитической подготовке**, – но в нём с некоторой даже избыточностью было представлено главное офицерское качество, а именно, **тупость**; <...> **и за это Здрок любил его отеческой любовью...** и даже Пауков сказал однажды, что Фунтов **способный офицер**» (67).

Яркий образ носителя идеологии уничтожения, разрушения, «обесчеловечивания» – капитан-иерей, политрук дивизии Плоскорылов. «Говорящая» фамилия действует как обертон, усиливая звучание в каждом конкретном контексте. Образ гротескный и вместе с тем узнаваемый в своей потенциальной реалистичности. Контуры абсурдистской карикатуры образ приобретает в ситуации общения с обожаемым шефом Гуровым: «Плоскорылов **так любил его в этот момент, что, не колеблясь, послал бы на смерть**» (60). В этом образе воплощается «норманнская концепция великой жатвы». Символ известный, международный, но здесь он демегафоризируется, опредмечивается в растительном образе винограда и процесса виноделия: «Солдат, солдат есть тот же виноград; не жать из него сока – не будет и прока, гласила армейская мудрость. Плоскорылов обожал мёртвого солдата. Только мёртвый солдат, установленный на площади в виде памятника, ...был абсолютным воплощением норманнского духа. <...> Единственное устремление маленькой,

некрасивой воинской единицы в серой шинели, с неумело замотанными портянками ...должно было устремляться к гибели, возможно более скорой; ...исключительно живой солдатской массой можно было одолеть любого врага... Дорогу к победе следовало мостить телами – это понимали немногие избранные военачальники» (34–35). Выразительные средства – повтор ключевого образа (мёртвый солдат), деперсонализация (солдат всего лишь абстрактная «единица», безликая в сером однообразии). Заставляет содрогнуться от ужаса оксюморон «обожать мёртвого солдата». Две заключительные фразы – явные аллюзии, в том числе, на Астафьева, маршала Жукова (весь быковский роман буквально нашпигован интертекстуальностью).

Командный состав армии печётся о своей сохранности. *«Элита не гибнет, она не вправе отступить от высшего долга – командовать жалким, не понимающим своего назначения мясом. Даже и в критической ситуации офицер обязан был первым делом думать о спасении собственной жизни, а уж потом – о своих людях; людей много, офицер один»* (26). Сарказмом звучат лживо-патетические, основанные на отрицании высших общечеловеческих ценностей наставления Плоскорылова, следующие за притчевой аналогией (в случае опасности для матери и ребёнка разумно пожертвовать не матерью, а ребёнком): *«Так и офицер, как истинная мать, не имеет прав оставлять солдата одного в полном опасностей мире, а должен прежде всего озаботиться собственным спасением, чтобы сохранить в неприкосновенности офицерский корпус!»*.

Заключительным аккордом софистической аргументации от имени армейского политрука звучит «успокоительное» утверждение, что *«варяг как истинный воин Одина мог погибнуть на пирушке, на охоте, на бабе, как славный генерал Скобелев, но не в бою»* (27). – **Тактика дегероизации, приём физиологизации** (излюбленный у Зиновьева). Личность историческая: герой русско-турецкой войны, освободитель Болгарии. Зачем понадобилось автору очернить образ, озвучив одну из многих версий его загадочной смерти? Ещё раз продемонстрировать свою недюжинную эрудицию? Понятно, что неискушённый читатель после такой детали не заглянет ни в одну энциклопедию, не получит информации о славной странице военной истории России, лишится возможности ещё раз почувствовать гордость за свою страну, её историю.

Обобщённо-негативный образ российской армии и генералитета дополняется языковой характеристикой армейского дискурса. Гротескно-абсурдистским и гипертрофированно безграмотным представлен фрагмент устава, описывающего обязанности дневального: *«– Дневальный есть военный солдат – бойко начал Плоскорылов,*

– которого первейшая обязанность есть надзирать, следить, досматривать и докладывать, а такожде поддержание порядка в расположении роты неусыпно. Дневальный есть принадлежность тумбочки, каковая есть принадлежность входа в расположение. Дневального долг есть натирать краники, стоять смиренно в ожидании кто есть любезный гость, а при появлении любезный гость производить отдавание чести и три выстрела. <...> Когда дневальный заступать, то наряд принимать...» (62).

Писатель пытается взять интервью у солдата, отличившегося, будучи на посту, бдительностью и верностью уставу. «– Ну, хорошо, разочарованно сказал Курлович. – Вот вы стоите, и что? – И слышу шорох, – медленно выговаривал Краснухин. – Я кричу: стой, кто идёт? На это, согласно устава, мне должен быть отзыв: “Конь в пальто”. Но как я отзыва не получаю, то **произвожу досыл патрона в патронник и вторично задаюсь вопросом: кто идёт?**» (75). Неправильная падежная форма, нарушение принципа языковой экономии в аналитической конструкции, некорректная форма выражения семантики причинности, неуместная возвратная форма глагола и, наконец, просторечно-абсурдистский отзыв создают олигофренический речевой портрет солдата и шутовскую пародию на языковое оформление армейского устава.

В соответствии с представлениями о государстве и армии пересматриваются характер и итоги Великой Отечественной войны. «Во многих отношениях эта война была продолжением всё той же репрессивной политики – то есть массовым истреблением собственного народа: только при таком подходе к военному делу потери обороняющейся стороны могут быть примерно втрое (пусть вдвое, по мнению официальных историографов) больше, чем потери агрессора» (Хроники, 68). **Вброс информации**, искажающей картину и оскорбляющей живую память потомков: «– Как можно умирать за чужое? <...> **Во время последней войны ведь можно было поднять в атаку только при помощи заградотрядов, – что, нет?** <...> **И героизм случался, нет слов, – но почему этот ваш героизм всегда такого самоубийственного толка? Вам не приходило в голову, что люди бросались на амбразуры потому, что начинали ненавидеть свою жизнь? Вы, может быть, не знаете, кто на самом деле был Матросов?** <...> **Он был замученный русскими русский. Детдомовец, маленький, плюгавый, которого в армии все били. Вот он и кинулся тощим животом на пулемёт, с отчаяния... Или ваш русский Астафьев не писал о том, как люди искали смерти с голодухи, с холоду, надеясь хоть в земле выспаться?**» (132).

Ожесточённую ненависть у автора вызывает маршал Жуков. «Не зря верховный национальный герой – маршал Жуков – славен прежде всего количеством загубленных

жизней» (Хроники, 23). «Генерал-майор Пауков был горд, что у них с его **кумиром** родственные фамилии. Сходство по признаку насекомости казалось ему ничуть не забавным и даже символическим. В разнице же фамилий сказывалась новая тактика современной войны: **великий предшественник**, как жук, катил на **сияющую вершину победы** навозный шар солдатской массы, – генерал Пауков, как паук, сплетал и раскидывал по стране хитрую паутину коммуникаций и ловил врага в сети **неисследимых** дозоров. Нынешний враг был коварен, и весь он был внутренний. <...> Внутреннего врага следовало вычленять, окружать, оплетать, караулить, **обездвиживать и размозжать**. Так формулировались шесть пауковских пунктов – главных правил, сформулированных им в новом боевом уставе» (24).

Фамилия Жукова отсутствует, но однозначно обыгрывается сравнительной конструкцией. В тематическом блоке ключевым средством выступает контраст: стилистически высокая тональность каждый раз «гасится» последующей лексикой («кумир» – «признак насекомости»; «великий предшественник» – как жук; **сияющую вершину побед** – «навозный шар»). Пейоративная экспрессия создаётся развёрнутой деперсонифицирующей метафорой «катить навозный шар».

Во втором тематическом блоке фамилия персонажа и названа, и обыгрывается – сравнением, развёрнутой метафорой с синонимизацией («паутина», «сети»). Лексика последней части фрагмента, начиная с неуклюжего окказионализма «неисследимый», официально-бюрократической глагольной словоформе «следует» и однородный глагольный ряд с бюрократическими окказионализмами создают речевую характеристику персонажа. Речь Паукова близка «плоскорыловской водянистой, одышливой многоглагольности» (19). Сравнение маршала Жукова с карикатурно-сатирическим вымышленным художественным образом даёт дополнительное основание говорить о проявлении ИПВ. Тем более, что автор не имеет в виду исключение из правил, а, напротив, обобщает, говоря о том, как во время Великой Отечественной войны «из страха за собственную шкуру жертвовал этим солдатом высший генералитет» (Хроники, 68). Приёмом ведения ИПВ служит и **произвольная**, циничная **интерпретация** одного из самых действенных плакатов военного времени, призывавшего к защите Родины: «<...> Родина-мать с известного плаката, неумолчно зовущая в могилу вот уже которое поколение бессовестно расплотившихся сыновей» (36). Прописная истина, выраженная ассоциативно-образно: «Патриотизм без национальной гордости как свадьба без жениха. А национальная гордость без памяти о своих предках – свадьба без невесты» (Колонка «Диагноз Коклюшкина». АиФ. 31.07.2015)

Не единожды звучит ирония автора по поводу мнимой, на его взгляд, особой миссии России: «Полная изоляция России от прочего мира, позволившая ей наконец без помех разыгрывать свою торжественную мистерию...» (38); Россия видит в себе «последний оплот мирового духа» (37). Политический обозреватель Топтухин «искренне, без тени спекуляции, верил сам и уверял окружающих, что Россия несёт свет миру, а заключается этот свет опять-таки в противостоянии торгашеской цивилизации юга» (442). Но «в душе Топтухин полагал, что сама **Россия – довольно бросовый товарец**. Он оттого так и ярился, защищая её» (443). Говорится о «**выродившейся стране**» (309); «Было похоже, что со всей страной случился синдром Василенко» (530), – то есть, в стране не народ, не нация, только бомжи, «васьки»...

Публицист Быков предрекает новую большую войну, необходимую, по его мнению, «для легитимизации и оправдания» начавшегося очередного заморозка. «Что выигрывать эта война будет традиционным “репрессивным” методом, то есть максимальными жертвами, и главным стимулом генералов будет опять страх перед начальством – сомнений не вызывает. Главное же, – продолжает автор, – я сильно сомневаюсь, что сегодняшняя Россия в состоянии выиграть отечественную войну...» (Хроники, 76). Нельзя не признать, что подобные пораженческие мысли едва ли способствуют оптимизму и боеспособности армии, что даёт основание расценивать их как компонент ИПВ.

Реальное время действия в романе – гипотетическая третья мировая война. Подготовка к ней началась «с восьмьдесят девятого. Как дали сигнал, так и началось», – вещает Эверштейн (130). Это была последняя битва за возвращение «ЖД» на свою «историческую родину», в Россию. Она совпала с началом эры таинственного газа флогистона. Запасы флогистона обнаружились везде, кроме России и исламского Востока. Политрук дивизии, капитан-иерей Плоскорылов, горевал, что **Россия уже не могла помочь исламу**, а ведь это «**был наш форпост на юге, друг и партнёр, терпящий бедствие**. <...> Из-за проклятого газа прекратилась столь перспективная было война на Ближнем Востоке, где Штаты увязли накрепко» (38–39). «И в этом смысле **русско-исламская коалиция, направленная против Запада, отнюдь не утопия**» (Хроники, 187). Устами идеолога в романе подтверждается обвинение реальных политических врагов реальной сегодняшней России в антисемитизме, поддержке терроризма. Создание в Палестине государства Израиль – якобы очередной ход с целью окончательно погубить еврейский народ: «**Ступайте в вашу пустыню, на родину предков!** <...> **Не-ет, пусть сдохнут в пустыне... без воды, среди враждебных арабов! Но только не вышло!** <...> **Потом, конечно,**

ваши спохватились, сделали Арафата, стали тренировать у себя террористов... Не думайте, есть факты» (127). Это уже инсинуация на уровне геополитики, связана с **международным имиджем России, с созданием негативного образа страны.**

Быков–публицист «преподносит» враждебному окружению России ещё два «подарка»: указание на слабость нашей армии и на Россию как причину «оранжевых» революций, в том числе на Украине: *«Отрекаются не просто от России, но от такой (выделено Быковым – А.Б.) России. Страны, сделавшие прозападный выбор, не желают иметь ничего общего с опасным соседом. Опасен он прежде всего не своей агрессией – не та у нас армия, – а своей заразностью. Серая плесень ничуть не менее, а то и более заразна, чем оранжевая, красная, зелёная или любая иная* (Хроники, 80). И все эти «откровения» можно с полным правом расценивать как **акты реального участия в информационной войне не «за», а против России.**

В романе есть фрагменты, свидетельствующие о том, что в картине мира автора, в его художественной мастерской присутствует представление об ИПВ, её стратегиях и тактиках. Одна из классических тактик в военное время – **вброс ложной информации, представленный как «утечка информации»,** направляющей действия противника по ложному пути: *«Оба военачальника в соответствии с тайной договорённостью правительств сдавали друг другу результаты своих секретных совещаний, перевирали их с точностью до наоборот <...> Организовав взаимную утечку, генералы удовлетворённо повесили трубки и потёрли руки»* (603–604). Жертвой **тактики вбрасывания ложной информации, оговора,** становится один из центральных персонажей – губернатор Бороздин. Он бежал через всю Россию, на него началась настоящая охота. Ему и его спутнице *«старательно перекрывали все отходные пути, (если) в каждом городе уже был развешан фоторобот, (если) началась газетная кампания...».* Истинную причину опальный губернатор понимал: *«Он совершил главный грех – нарушил тайный уговор, покинул чиновничью касту, сословие государевых людей, куда и впускали туго, а выпускать избегали вовсе».* Но в развернувшейся газетной кампании *«его обвиняли в громадных хищениях и развороте»* (437). Другая ложь состояла в том, что инициатором обвинений представили народ («население»), и травлю вели от его имени, играя на стремлении простых людей к справедливости, на их ненависти к несправедливым властям. С этой целью использовали старый как мир **приём анонимки.** И беспробитным средством было предъявление анонимки, написанной неграмотно, корявым почерком: *«Во первых строках моего письма доводим*

ваше сведение, что гублинатор живёт с девушкой как с жинной примите экстрыные меры» (281).

Собственно, вся так называемая альтернативная история и есть ИПВ. «В конце концов, каждый верит, как хочет. <...> Были хазары на Руси, кто бы спорил. <...> Да, были. Но Каганат преувеличивать не следует. Гумилёв уже на этом обломался, выдумав, по сути, целое государство. А у него любой школьник десять **подтасовок** на главу найдёт» (147). Быков вносит свой немалый вклад, продолжая дело «альтернативщиков» на основе такого же приёма, например, вбрасывая в сознание неискущённого читателя мысль, что великий князь Владимир – «мудрый варяг» (53), а Пушкин (202), Ахматова (148), Пётр I и Меншиков (257) – «хазары»; «чеченцы – последний отряд тех, настоящих хазар, наследники Каганата», и «добывает» читателя «историческим открытием», объясняющим, почему «тихий советский лётчик Алексей Шварц вдруг взял себе псевдоним Жохар Дудаев? Что в итоге даёт нам столь знакомую аббревиатуру ЖД?» (140–141). – Ясно, что автор вошёл во вкус «альтернативной истории» и, выражаясь на языке жаргона, от души «прикалывается»: «Как вы сами-то не догадались, честное слово? Посмотрели бы на эти носы и усы, послушали бы язык...» (141).

Ещё пример стратегии «произвольная интерпретация реальных событий и фактов» на основе приёма подтасовок: «БГ» уже не просто «Борис Гребенщиков», а таинственный символ «Б-г» в еврейской транскрипции; его песня «Пора вернуть эту землю себе» – призыв к новой войне за возвращение хазар на свою родину (130). Излюбленная тактика перекраивания истории, с юмором демонстрируемая автором, – откровенная **фальсификация фактов**, содержащихся в письменных источниках: «Знаете, как Владимир крестил Русь? Дело было в хазарской столице Цецар, километров на двести по Днепру выше нынешнего Киева. Загнали всех в воду – женицин, стариков, детей... И не выпускали, пока не согласились перейти в новую веру. Называлось “крещение”. Некоторые так и утонули. Волохов уже не знал, смеяться ему или плакать. Он отлично представлял себе **способы подгонки летописей и свидетельств под любую нужную версию...**» (138).

На нескольких примерах автор раскрывает технологию информационной войны. Анекдотическая **фальсификация фактов** путём использования приёмов языковой игры на словообразовательном уровне, случайных звуковых сходств и на этой основе ложной **этимологизации** – интерпретация былины об Илье Муромце, якобы хазаре, «продавшемся» русским: «Всё не можете забыть, как наш Элия Эмур-омец перешёл на вашу сторону и предательски напал на своих. Волохов расхохотался. – Среди трёх богатырей Ильи-

*Муромец еврей, <...> – едва выговорил он сквозь хохот. Эверштейн смотрел на него невозмутимо. <...> Вы никогда не замечали, что Муромец начал свою деятельность только в тридцать лет и три года? До этого он сидел, стало быть, на печи <...> А знаете Вы, Воленька, что такое на древнехазарском “печь”? Степь, дорогой друг <...> Отсюда русский миф о путешествиях на печи <...> Отсюда и печ-эн-эг, степной житель» (135–136). Достойным продолжением «гильотинирования» русского языка, авторского «прикола» стала история о том, что «чеченцы, с их рыцарственным и откровенным самурайским зверством, – последние остатки той стражи, которую предал Элия Эмур-овец. Один из них его и достал потом. Некто **Саул Ой-Вэй, в вашей транскрипции Соловей**. Свистом он был действительно знаменит, а вот насчёт разбойника – это ваши сказители погорячились» (141). Тот же приём на основе версий «альтернативной истории» иронически обыгран и на материале фразеологизмов. Вместо «*Не было ни гроша, да вдруг алтын*» – «*да вдруг “атлант”*» (206). В устойчивом выражении с интенцией угрозы – «*“показать, где раки зимуют”*», слова «*раки*» якобы восходит к древнехазарскому проклятию «*Рака!*» Отсюда же и название «*речных тварей, ползающих задом наперёд*», а впоследствии и страшной болезни (445–446).*

Приём – **подмена понятия или термина**: «<...> *Давайте договоримся о термине “больные”*. Волохов уже понял, что в этих дискуссиях договариваться о терминах надо с самого начала, иначе подмена произойдёт так, что моргнуть не успеешь» (194). Пример стратегии **провоцирования**: путём хитроумных тактических ходов спровоцировать противника на нужное высказывание и интерпретировать его как добровольное признание своей неправоты или вины: «*Но, на его беду, антихазарский элемент никак себя не проявлял. Тут следовало воспользоваться любимой тактикой преждевременных родов, – что-что, а спровоцировать противника хазары умели*» (398).

Особенно изощрённо эту стратегию использовал «*прирождённый смершевец, из тех, о которых слагались легенды: дзержинец, наследник подлинного чекизма, способный выбить из бойца любое признание, за три дня превратить здорового малого в трясущуюся, кающуюся мразь*» (45), – «*элита элит*» Евдокимов в процессе допросов ни в чём не провинившегося солдата Воронова. Солдат и был избран в качестве жертвы, чтобы доказать, что «*невиноватых нет. Задача исключительно в том, чтобы найти вину*» солдата (46–52).

«– *Рядовой Воронов по вашему приказанию прибыл! – чётко рапортовала жертва, ещё не подозревая о своём новом статусе. – Так-так, – медлительно сказал Евдокимов. – Так-так... (Это тоже была азбука смершевца – тянуть время, чтобы жертва*

пометалась.) – Ну, что же... ммм... Воронов, да? Значит, письмецо ждёте?» Начало – в деланно дружелюбном тоне, жертва расслаблена. Получив заранее известный ему ответ «письмо от матери», следователь спрашивает, почему солдат уверен, что мать ему сразу ответит. Вопрос неожиданный и выбивает жертву из равновесия, заставляя мучительно искать в вопросе какой-то неизвестный, непонятый смысл. Цель достигнута: **жертва приведена в состояние неустойчивости, реакция ослаблена. Палач ищет зацепку**, и услышав, что естественная причина волнения матери – война, тут же переходит в наступление, **подставив вместо «войны» как якобы тождественное понятие другое**, однако означавшее нарушение устава с вытекающими карательными последствиями: «– А вы сообщили матери, что находитесь в районе боевых действий? – Голос Евдокимова начал наливать свинцом». Уже предвкушая успех, смершевец **чередой противоречащих друг другу вопросов-окриков отвлѣк внимание жертвы на уставные формальности речевого поведения. Жертва сбита с толка, потеряла самообладание, стала беззащитна.** Смершевец заорал. «Воронов дошёл до кондиции. Момент для **пересмотра регистра** был выбран безошибочно. – Значит, сначала волнуем мать, доводим её, можно сказать, до нервного стресса, – а потом вот так запросто являемся в Смери за письмецом? Я правильно вас понял, товарищ рядовой? – Это тоже был любимый приём: **перечислить с грозной интонацией несколько невинных фактов, из которых сейчас будет сделан неожиданный и убийственный вывод**». Приписав жертве свою интерпретацию происходящего («Или вы полагаете, что в Смерше служат маразматика?»), палач уверенно вѣл дело к концу. «Так, мысленно поворачивая перед собою Воронова, как деревянный шар, ища на нём зацепку, заусеницу, шероховатость, майор Евдокимов к концу второго дня был сполна вознаграждѣн. Воронов впал в истерику. Биясь в майорских сетях, как обречѣнная муха, рядовой был готов каяться в чём угодно». И, наконец, **спровоцировав жертву посредством ряда сбивающих с толку и таящих угрозу вопросов на употребление инклюзивной формы «мы» вместо «я», палач праздновал победу, чтобы по всем правилам софистики сделать нужный вывод.** «Это была как раз необходимая Евдокимову **проговорка**. <...> Признался бы сразу: мы есть тайная организация, действующая в войсках противника для приведения их к небоеготовности! <...> – **Проговорился, проговорился**, – глядя в стол, словно жалуясь на чужое вероломство, заговорил следователь. – **Предал мать. Всех предал. Себя предал. Но себя – что? Кто ты есть? Ты никто, понял? Но мать! Как ты смел предать свою мать!**» Ещё раз **подтасовка понятий и имѣн** (биологическая мать; Москва – мать русских городов – столица Русской

земли) и заключение: предал Родину! – Классический образец манипуляции сознанием противника. Последнее, что сломило сопротивление арестанта, была ложь: когда «Евдокимов показал ему представление на арест всех его родственников, направляемое по месту жительства в связи с разлагающей пропагандой в военное время (представление было отпечатано на специальном бланке, **такой метод воздействия официально разрешался Генштабом**), Воронов признался в существовании тайной организации и назвал весь списочный состав своей роты. <...> – Встать! – приказал Евдокимов. – Что ж ты, гадина... дрисня... Своих сдал, да? Всех как есть? Всю роту? А ведь у всех тоже матери!»

Кольцевой повтор «мать» стал венцом садистской изошрённости палача. – Стратегия допроса выстроена на спекуляции контекстными значениями лексемы «мать». В финале коммуникативного события появляется сильный художественный приём: ассоциация бездушной военной машинерии с неким ненасытным плотоядным животным: «– Унести это дерьмо, – брезгливо сказал Евдокимов. <...> – Завтра и употребим голубчика, – сказал себе Евдокимов. <...> По телу смершевца пробежала приятная судорога удовлетворения – не эротического, конечно, но что-то сродни пароксизму удовольствия, который испытывают крупные земноводные в момент насыщения. Интеллектуальная отрыжка, если угодно, – твёрдое сознание исполненного долга и лёгкая приятность полного, безостаточного поглощения. Жертва лежала в сарае. Сарай исполнял роль желудка».

За коммуникативным событием с фиктивными участниками плохо скрыты недавние исторические реалии: ЧК и её глава Ф.Э. Дзержинский (его портрет висел на стене) и СМЕРШ («смерть шпионам»: военная контрразведка в годы ВОВ: допрашивает прирождённый смершевец, из тех, о которых слагались легенды: **дзержинец, наследник подлинного чекизма**). Способом «отражённого рефлекса» осуществляется дискредитация обеих исторических реальностей.

Тема «коренного населения» выполняет в романе стратегическую задачу: дать гротескную иллюстрацию основной идеи произведения: цикличности, бесконечного повторения фаз, не позволяющих России движения вперёд, к прогрессу. Это художественная разработка идеи о крайне бедственном положении «коренного населения» сегодняшней России: «Землю у них отняли, в города по-настоящему не пустили, так что **коренное население России сегодня поистине низведено до статуса бомжей**» (Хроники, 44). В романе доминирует карикатура на «народ», его образ жизни, ментальное состояние, веру, язык. Некий учёный Василенко быстро выполнил государственный заказ, изобретя, дабы освободить власти от синдрома совестливости, неизлечимую болезнь, названную его именем

– «синдром Василенко», а «больных» стали прозывать уже не бомжами, а *васьками* и *машками*. На уроках биологии детям объясняли, что васьки «не совсем люди»: «у них даже генный набор другой... Одни рождаются с умом, а другие без ума. <...> Они потому и бродяжничают и пьют, что уцербные» (317). «Судя по тому, что отец **назвал Василия Ивановича человеком**, он, кажется, был доволен **приобретением**» (327). Заразиться синдромом от васек нельзя: «это врождённое». «Оставалось только понять, почему синдром Василенко так распространён именно в России» (319). «Васьки в основном и жили сбором вторсырья, и сами были таким вторсырьём...» (102).

Так в русском языке появилось новое словообразовательное гнездо слов строго по законам морфологической деривации русского языка: *васька*; *васёк*; *васёнок* (ср.: телёнок, кукушонок и пр. из области зоонимов); *васята*; *васятник* (приют для васьков, ср.: «телятник», «свинарник»); *васеринар* (по аналогии с ветеринаром). Весь набор ассоциируется с самым популярным именем домашнего животного – кота. В рамках «гуманитарной программы» «вымытых, подлеченных и стерилизованных бродяг стали разбирать по домам» (317). Новообразования расширились, появилось целое лексико-семантическое поле, включающее:

типы действий с новым одушевлённым объектом: после стерилизации можно безбоязненно брать домой; учить, приручать, «показывать с васьками удивительные штуки»; дрессировать («надрессировать можно любого, нужен только стимул и индивидуальный подход»); выводить гулять; отлавливать; вывезти из города и уничтожить («когда жрать нечего»);

динамические признаки объекта (какие действия он способен производить): кусаться; сдохнуть (от перекорма сладостями); заговорить; есть из рук; трудно приручаться; отвечать, сколько будет трижды пять; ловить на лету куски ливерной колбасы; в шоу «Мой Вася» соревноваться, таская тяжести и показывая разные штуки; прыгать через скакалочку; играть в резинку; влезть на стульчик и начать читать «Как ныне взбирается вещей Олег / Замстит неразумным базарам»; ничего толком не уметь;

виды взаимоотношений между одушевлённым субъектом Homo sapiens и одушевлённым, но не Homo: питомец; обзавестись васьками; приобрести васька; выбрать любимца; «в троллейбусах и метро для васек выделили места в конце каждого вагона»; выезжать с васькой в отпуск; льготы и скидки для путешествующих с васьками; привязаться к домашнему ваську; мода на васек; дать говорящему ваську имя; массовая

зачистка (план «Антициклон»: «когда жрать нечего – так и убить, опять же из жалости»); пустить васьков на колбасу;

признаки одушевлённого объекта: бездомный, ручной, вполне обучаемый, ласковый, поддержанный, смиренный, смыслённый, говорящий, грязный, зловонный;

оценки объекта, отношение к нему: беспомощные бродяги; пьянство, вырождение, грязь, безволие, безответственность; народ ленивый и хитрый; жадность в сочетании с тупостью: полная деменция; пассивность чёртова, неумение распорядиться своей судьбой; идиотская мечтательность; кроме как вечно гнить, ничего больше не умеет; от коренного населения тошнит; преданность кругу, циклу; болезненная тяга к езде по замкнутым траекториям; непобедимая инертность; упорное и неодолимое нежелание становиться нацией.

Грязные, вонючие «васьки», кругами бредущие по России, олицетворяют авторскую идею бесконечной цикличности российской истории, «коренная» Аша – их языческую природу: не работать на земле, а договариваться с ней, чтобы она сама плодоносила, дегунинские бабы, «которые с одинаковой покорностью пускали на постой и в койку все воюющие стороны по очереди» (17) – аномальную покорность, неспособность к сопротивлению. Деревня Дегунино – своеобразная столица большого «васятника». В ней щедро круглый год плодоносящая яблонька; печка, сама себя топящая и без усталости пекущая румяные на все вкусы пироги; банька, наполняющаяся жаром, стоит местному сказать «Банька, топись!». До этого места «Гитлер в сорок втором так и не добрался, не то исход войны мог быть совершенно другой» (18).

Итак, до светлых времён «антивасийской» революции коренное население России – если и Номо, то уж никак не *sapiens*. Но Россия всегда была славна своей культурой, литературой, дала миру плеяду писателей немеркнувшей славы. Роман заставляет читателя усомниться и в этом. «Мне одно непонятно, – размышляет Волохов, – Почему при такой истории – с её кругами, неверием ни во что, угнетением и прочая – такая культура? Уж никак не захватническая, верно?» С помощью другого ключевого персонажа, Гурова, «прозревший» оказавшийся «коренным» в каком-то колене Волохов делает сенсационное открытие: «Культуру сделали раскаявшиеся варяги и передумавшие хазары, а наши – так, фольклор да сумасшедший Хлебников» (384). Гуров, ранее: «Вся так называемая великая культура стояла на раскаявшемся варяжестве и раскаявшемся хазарстве» (202–203). О Пушкине иронично – «наш прозорливец» (171).

Итак, великая **русская** культура – блеф? Самые знаменитые русские, может быть, и не совсем русские: *«Кто писал по-русски лучше Бабеля и Зощенко, в чьём хазарстве не сомневалась Ахматова? А сама горбоносая, чёрноволая Ахматова? Мне от бабушки-хазарки были редкостью подарки»...* (148). К тому же, вещает Быков-публицист, **«крупные русские писатели были в большинстве своём людьми неумными»**; **В набор неперенных качеств великого писателя у нас всегда входит великая глупость** (Хроники, 112; 115). Следует целый ряд «разоблачающих откровений». **«Книга Гоголя “Избранные места из переписки с друзьями” поражает именно глупостью. <...> Достоевский гениален, когда говорит о психологии, но стоит ему коснуться геополитики, правительства или Стамбула – выноси святых. Толстой – пример наиболее яркий: положим, в “Войне и мире” есть ещё здравые мысли, почерпнутые, впрочем, большей частью из Шопенгауэра..., но все его земельные теории, его педагогический журнал “Ясная Поляна“..., его Евангелие... Трудно представить себе что-нибудь более скучное, плоское и безблагодатное, чем теоретические и теологические работы Толстого. Статья же его “О Шекспире и его драме“, равно как и трактат “Что такое искусство“ поражают такой дремучей, непроходимой глупостью, что поневоле уверишься: великий писатель велик во всём <...>. Этот великий знаток человеческой и конской психологии делается титанически глуп, стоило ему заговорить о политике, судах, земельной реформе, церкви или о непротвлении злу насилем. Вот почему толстовское учение и подхватывалось в основном дураками» ...** (Хроники, 113–114). – Но известно, что одним из таких «дураков» был философ Л. Витгенштейн, освоивший русский язык, чтобы читать в подлиннике именно религиозно-философские работы Л. Толстого.

О Чехове в романе хазар-идеолог Эверштейн пренебрежительно-саркастически: **«этот их пресловутый Чехов, геморроидальный чахоточный медик»** (402). Более снисходительно и пространно Быков-публицист: **«Некоторым исключением выглядит Чехов... Но и он в своих прогнозах (и в оценках людей) бывал близорук как и в жизни... Вот почему и самые симпатичные его персонажи ущербны, плосковаты: нет второго дна, есть удручающая одномерность и пошлость...»** (Хроники, 114). Не был обойдён попыткой развенчания и нобелевский лауреат **Набоков**. Интеллектуал Эверштейн в романе «просвещает» Волохова: **«Ну, не прикидывайтесь младенцем. Вы отлично знаете, что за Набокова писала жена. Он был типичный балованный аристократ, продукт многолетнего вырождения, а она его без памяти любила, дура, и дарила ему всю себя, весь свой талант»** (126–127). Публицист: **«Не стану напоминать, какую чушь периодически нёс Набоков, как**

субъективны и завистливы его литературные оценки...» (Хроники, 114–115). Досталось писателю, публицисту, философу В.В. Розанову, когда Эверштейн говорил об обструкции со стороны «истинно русской» интеллигенции «*всяким мишигинерам вроде Розанова*» (133). Упоминаются «*ужасный пан Твардовский*» и «*частушечный Исаковский*» (126). Как выражение бездеятельностной природы народа интерпретируются русские сказки, «*в которых добро никогда не побеждало – его угнетали, а оно смирялось*» (119); «*Это был отголосок местной древней сказки – о том, что ничего не надо делать самому, скажешь волшебное слово – всё и сделается*» (252). А сказки Афанасьева – «*грубейшая фальшивка*» (391).

Агрессивный наскок на русскую литературу в лице её величайших представителей поражает беспечностью крайне негативных оценок. И в публицистическом тексте, и в романе отсутствует какая-либо аргументация, нарушены принципы этики. Автор бравирует независимостью суждений, радикально отличающихся от принятых в международном табеле о рангах. **Оговор, дискредитация** великих в их немеркнувшей славе? Мёртвые, как известно, сраму не имеют. А какое послание автор – через культурологические фантазии – посылает современникам? Волохов: «*Уж ему-то, манипулятору со стажем, следовало обладать устойчивостью к чужим спекуляциям*» (134). А не знакомые с феноменами манипуляций и информационных войн читатели вовсе не защищены от подобных «спекуляций». Следовательно, это акт прямого проявления ИПВ.

В плане языковых средств вербальной ИПВ ярко активизированы **антитеза** (*гениален – выноси святых, великий знаток – титанически глуп*), **синонимический ряд пейоративной оценочности, приём восходящей градации** (*глупость – дремучая, непреходимая глупость – титанически глуп*), **ирония** (*знаток человеческой и конской психологии; этот их пресловутый Чехов*), **контраст литературной лексики и просторечья** (*молоть языками*), **приём физиологизации** (*геморроидальный чахоточный Чехов*). Последний приём (излюбленный у Зиновьева) в романе используется неоднократно: генерал Скобелев «*погиб на бабе*» (27); «*скучный бухгалтер Маркс, любитель вурста*» (617); о Чаадаеве: «*Нет, сумасшедшим он не был. У него геморрой был, потому он и смотрел на вещи так мрачно*» (134); Д.И. Писарев – «*шизофреник и аскет*» (156); Ленин, «*когда случилось похмелье, в одночасье помер от ложки, хотя враги и утверждали, что от сифилиса*» (Хроники, 87).

Не менее категоричен и ироничен романист в его отношении в вопросах **веры. Вброс идеи, отрицающей учение Христа**, находит место в дискуссиях персонажей на религиозные темы. «*Есть такая версия, – поучает настоятель Николай, – что христианство*

вброшено в мир хазарами, чтобы растлить воинский дух северян и прочих боевитых народов» (499). Посредством тактики абсолютизации отдельных фактов происходит дискредитация всего христианского вероисповедания: «Бродячие учителя, люди без нации, люди нечистой крови превратили бы весь мир, дай им волю, в царствие небесное. <...> Нечего лезть к нам с христианством <...> Зачем нам христианство? Что за учение? Или по Европе не видно, до чего оно довело? Или не его именем жгли и грабили коренное население несчастной Южной Америки, укрывавшееся за океаном от страшного старого мира? Или не христианские миссионеры разрушали последние островки блаженной первобытной идиллии? Не надо нам этого, не смейте вторгаться. <...> Это наш дом. Пусть захватчики не пытаются нам внушить, что в нашем доме плохо, а в доме отца хорошо. Знаем мы этого отца, и если у него такой сын, то и дом, вероятно, не лучше (610–611). Во внутреннем монологе Гурова, представителя «коренного населения», исповедующего язычество (двоебожие), Иисус и его апостолы называются иносказательно, парафразами пейоративной оценочности. Иносказательно-метафорически используются парафразы «наш дом» (мир коренных жителей с их идеей круга и верой в вечность) и «дом отца» (христианский мир). Сакральное «Бог-отец», «Бог-сын» заменяется пренебрежительно-уничижительной парафразой с указательными местоимениями «этот», «такой».

Неоднократно используется тактика десакрализации: перевода высокого, сакрального на бытовой уровень. Святотатством для верующего звучат размышления «коренного» Гурова, интерпретирующего в духе обыкновенного адюльтера тайну рождения Иисуса и бегства богоматери Марии с младенцем в Египет: «А что ж, не жалко мать с ребёнком? Жалко, очень жалко. Мы люди сентиментальные. Но разве мы не помним, как это уже было? <...> Нечего придумывать про ангелов: сама всё знала, схватила мужа, которому изменила, да и сбежала в пустыню, и в пустыне родила» (610).

Как способ тактики десакрализации автор использует в вероисповедальном контексте иронию. Ирония может граничить с богохульством: «Страдальческая фигура на кресте оскорбляла его (Плоскорылова – А.Б.) душу, всецело посвящённую солнценосному учению. В подсобке хранился ведический знак... да двенадцать изображений варяжских божеств – почти весь пантеон, кроме Велеса, которого сожрали ненасытные мыши» (61); «...Господь, наш Господь, у которого с иронией туга, юмор скорее английский...» (492); «У хазар Иисус – какой-то диссидент, любящий выпивать в обществе приятелей и учеников, изрекатель афоризмов... У варягов – абсолютный диктатор, не признающий

милосердия, непрерывно самоутверждающийся... Один в качестве идеала навязывает сверхчеловека, второй – недочеловека, но оба промахиваются» (478). Парафраза распятия в сочетании с глаголом *оскорблять* по-настоящему оскорбляет чувства православного верующего. Просторечно-грубоватая ирония, переводящая духовную сферу в прозаически-обыденную, некорректна в религиозном контексте. В последнем примере десакрализация происходит с переводом возвышенно-духовного в общественно-политическую сферу. Кошунством назовёт верующий человек интерпретацию «Тайной вечери» как обыденно-жизненной сцены с низведением символического акта в заурядную «выпивку», а будущих апостолов в приятелей-собутыльников. Учение Христа представляется простым собранием афоризмов. Этимон агентивного окказионализма «изречь / изрекать» имеет словарные пометы «устар. и ирон». Верхом кошунства для верующего – отрицание милосердности Христа, его неполноценности. Перевод сакрального в низменно-жизненное дополняется неадекватными в данном контексте глаголами «*навязывать*» и «*промахиваться*». Наряду с милосердием отвергается ещё одна притягательная черта православия – самоотверженность в проявлении человеколюбия. Плоскорылов: «...ненужная самоотверженность, навязанная нам хазарскими извращениями христианства» (27).

Взамен милосердия и самоотверженности христианской вере приписываются диаметрально противоположные черты человеконенавистничества: «Для русского православного дискурса, **репрессивного по своей природе**, в высшей степени характерны именно эти две тенденции: **истребительная – во-первых...**» (Хроники, 22). «**Главное извращение христианства, которое воцарилось на Руси**, – утверждает отец Николай, представитель некоего сектантского христианства, – **всё – долг, никакого счастья. Кто-то наврал, что в монастырях должна быть казарменная дисциплина; да отчего же? <...> Только в варяжском монастыре могли придумать ни на что не похожий институт послушания – все эти бессмысленные дисциплинарные упражнения... Варяжество сделало из христианства какой-то, извините, бред – апофеоз долга, насилия, изобрело Бога-командира, перед которым все виноваты, и он всех периодически – в наряд»** (479). Мишень критики, точнее, злословия, извращающего сущность православия, – монастырский, вообще, церковный уклад. Основное средство манипуляции сознанием адресата – гипербола, перерастающая в гротеск. Основной тактический приём – ассоциация с военной сферой: **казарма, командир, наряд, насилие**. Та же ассоциация доминирует в размышлениях Волохова. В них фигурируют «**священник-мошенник**» и «**непреклонный русский Бог. Бог... ничем не отличался от сержанта**». Такого «**монстра с**

пронзительным взором» могли породить только захватчики; *«ни один народ не в силах был бы молиться чёрной доске – закоптелому прообразу чёрного квадрата; а если вдуматься, русский Бог именно и был чёрным квадратом»*. А *«в загробном пространстве ... праведники маршировали на плацу, горланя строевые псалмы, а грешники... бесконечно чистили сортир, дежуря по роте»* (179–180). Под маской персонажа автор вторгается в святая святых православия: Бог – священнослужитель – молитва – икона, и глумится над верой и верующими. Ассоциация с «чёрным квадратом» Малевича добавляет агрессивному выпад утончённой изошрённости. Агрессии подвергается визуальный образ православной архитектуры: *«Храм получился аккуратный, истинно воинский, с арктической устремлённостью вверх, с чисто декоративным, несерьёзным крестом и без всякой уродливой луковичи, этой неотъемлемой принадлежности православия»* (60). Все приведённые примеры свидетельствуют о том, что и в отношении вероисповедания, а именно, православия, в романе наличествуют признаки ИПВ.

Быков прекрасно владеет языком. В романе представлены выразительные образцы социолектов: бюрократического; армейского фольклора; бытового; богемного; специфического языка «коренного населения». Авторская речь – типичный современный литературно-разговорный язык. О его происхождении лаконично и чётко сказал в интервью философ М.К. Мамардашвили: «Понимаете, культура устроена всё-таки как пирамида. Широкие её нижние слои “окультуриваются” постепенно, проходя более высокие этажи и усваивая их язык. А в 20-е годы пирамида культуры полностью перевернулась. Язык низа, почти бессознательной массы, оказался стандартным, “нормальным” языком всей культуры. Язык “управдомов”, который описывали Булгаков и Зощенко. Но он со временем стал уже не предметом писательского изображения, а языком самой литературы» [Мамардашвили 2011: 191–192]. Как следствие, стала «нормой» оснащённость речи персонажей всех социальных кругов грубой, вульгарной, даже обценной лексикой. Концентрация такой «нормальной ненормативности» в романе Л.Д. Быкова представлена в блестящих образцах армейского фольклора полковника Здрока, генерала Паукова, но также и в авторской речи.

Помимо воли автора, язык становится и самостоятельным компонентом авторской концепции. Речь представителей «коренного населения» России теоретически должна представлять образец исконного, истинного русского языка, как известно, «великого и могучего». Язык – важнейший атрибут этноса. Крайнюю степень карикатурности представление о языке «туземцев» получает в явно пародийном фрагменте, посвящённом

функции обсценной лексики в языке «коренных». Подобно Зиновьеву, «главным словом» объявляется всем известное трёхбуквенное:

*«Она (Аша – А.Б.) рассказывала ему, что самые священные слова они, захватчики, объявили запретными, грязными, хотя **трёхбуквенное**, которым были исписаны все заборы, – слово волшебное, призывное: в нём слышится вой западного ветра, его призывают волки, когда нужно принести удачу или унести врага; <...> и когда крикнешь волшебное слово – западный ветер примчится и всё за тебя сделает. <...> Губернатор хохотал. Это объясняло, конечно, почему все заборы и лифты были исписаны древним заклятием» (245). Пародия завершается авторским хулиганским «шедевром» – «заклинанием западного ветра “волшебным” трёхбуквенным словом» (632–633). Summa summarum, «великий и могучий» представлен откровенно злой пародией.*

Нельзя не отдать должное гражданскому мужеству автора, смело обличившего многие системные пороки общества, государственной политики. Но позволительно ли так произвольно манипулировать такими данностями как *народ, нация, государство, его история, вера, язык?* Известно, что в либеральной пропаганде неоднократно озвучивалась мысль, что государство Россия может исчезнуть, ничего страшного, дескать, не произойдёт: появится новое, более демократичное. «По прогнозам ООН, через век россияне могут исчезнуть с лица земли» [Васильев 213: 215]. Философ Мераб Мамардашвили писал о якобы предусмотренном Провидением крахе России [Кара-Мурза 2008: 710]. Конец ей пророчит и публицист Быков: страна «*в современном мире нежизнеспособна, и никакая нефть не отсрочит её распада*» (Хроники, 97).

Обоснованность анализа произведения с позиции ИПВ определяется **негативным модусом** содержащейся в материале романа информации о социально значимых составляющих национальной идентификации русского народа. Этот вывод согласуется с общим положением, ещё раз подтверждённым официальным представителем МИД РФ М. Захаровой: Технология обработки сознания, используемая США, Евросоюзом в информационной войне против России – отсутствие какой-либо позитивной информации о стране (Вести-FM. 09.04.16).

Читатели могут справедливо заметить, что наряду с несомненными проявлениями ИПВ часть приведённых в статье примеров представляют собой конструктивную критику. Более того, сам автор с блестящим остроумием продемонстрировал знание ряда тактик и приёмов ведения информационной войны. По замыслу автора, в силу его активной гражданской позиции, это война **за Россию**. Но это «за» так плотно окутано камуфляжем,

что временами появляется сомнение: а не муляж ли таится за ним, не есть ли камуфляж самой сущностью, содержанием авторской идеи? Тогда это война **против России...**

Список литературы

- Быков Д. Хроники ближайшей войны: Избранные статьи 1992-2005. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. 511 с.
- Быков Д.Л. ЖД. М.: Вагриус, 2006. 688 с.
- Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб.: Златоуст, 2013. 660 с.
- Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 329 с.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толковый словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1-2.
- Кара-Мурза С. Потерянный разум. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2008. 736 с.
- Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука Атткус, 2011. 288 с.
- Сковородников А.П. Народ и население: очерк современного публицистического словоупотребления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск; Ачинск, 1997. Вып. 2. С. 47–53.

References

- Byikov D. KХroniki blizhajshej vojny: Izbrannyye stat'i 1992-2005 [Commentaries on the next war: selected articles 1992-2005]. SPb.: Amfora. TID Amfora Publ., 2005. 511 p.
- Byikov D.L. ZhD. M.: Vagrius Publ., 2006. 688 p.
- Vasilyev A.D. Igray v slova. Manipulyativnyye operatsii v tekstakh SMI [Games on words. Manipulative actions in mass media texts]. SPb.: Zlatoust Publ., 2013. 660 p.
- Gumilyov L.N. Otkrytie KHazarii [Discovery of Hazaria]. M.: AST: AST MOSKVA Publ., 2008. 329 p.
- Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovyy slovoobrazovatel'nyj [New dictionary of the Russian language. Explanatory word-formation dictionary]. M.: Rus. yaz. Publ., 2000. V. 1-2.
- Kara-Murza S. Poteryannyj razum [The lost mind]. M.: EKSMO; Algoritm Publ., 2008. 736 p.
- Mamardashvili M.K. Soznanie i tsivilizatsiya [Consciousness and civilization]. SPb.: Azbuka, Azbuka Attikus Publ., 2011. 288 p.
- Skovorodnikov A.P. Narod i naselenie: ocherk sovremennogo publitsisticheskogo slovoupotrebleniya [Nation and population: up-depth study of contemporary journalistic genre language use]. *Teoreticheskie i prikladnyye aspektyi rechevogo obscheniya*. Krasnoyarsk; Achinsk, 1997. Issue. 2. Pp. 47–53.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бернацкая Ада Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации
Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79
E-mail: bern1940@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Bernatskaya Ada Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication

Siberian Federal University

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: bern1940@mail.ru